

Пройдя через войну, увидеть снова сад в цвету

Раисе Петровне Кучеровой – зенитчице военных лет, участнице Сталинградской битвы сегодня исполняется 90 лет.

Название известной документальной повести Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо» раз и навсегда внесло в наше сознание: война – не женское дело. Лучше, конечно, чтобы раз и навсегда она перестала быть и мужским занятием. Но так уж сложилось в истории нашей страны, что война стала поистине народной, и на защиту Отчизны встали и мужчины, и женщины, и дети.

Раиса Петровна Кучерова выросла в самой обыкновенной белорецкой семье. Мама занималась домашним хозяйством, отец работал на заводе. Держали скотину, и в этом ребятишки принимали непосредственное участие с малых лет. После окончания школы работала Раиса Петровна в пошивочной мастерской «Искра», где шили брюки и телогрейки для фронта. А потом ее как спортсменку-лыжницу назначили инструктором физкультуры спортивного общества «Спартак» вместо ушедшего на фронт тренера. Сами прокладывали трассы по реке Белой и горе Мраткино, ежедневно проводили тренировки, учились стрелять из винтовки, готовились к армии.

И ведь попала на фронт юная Рая, да еще и с первым башкирским эшелоном девушек-добровольцев, отправленном в мае 1942 года на Сталинградский фронт. В этом эшелоне уехало на фронт больше трех тысяч девушек из всей Башкирии. Вместе с Раисой Петровной пытаемся проследить путь наших девушек с берегов Белой — из маленького города Белорецка до Сталинграда, где разворачивалась одна из драматичных страниц войны...

...Май 1942 года. Отгуляли праздники. Солнечно. Все девушки в белоснежных ветках черемух, война идет... Эти девушки, чтобы попасть на фронт, обивали пороги райкомов комсомола. Убеждали, уговаривали, доказывали: они хотят защищать Родину! И вот наконец отправляются на фронт!

В Уфе собрались девушки-добровольцы из всех районов Башкирии, их было больше трех тысяч. А из Сталинграда прибыли командиры для сопровождения спецэшелона до места назначения.

Эшелон двинулся к Сталинграду. В теплушках дощатые нары. На нарах, на полу - солома. Отапливались вагоны печками-буржуйками. Дров не было, и на коротких остановках девушки выскакивали из вагонов, ломали снегозащитные щиты вдоль дороги и тащили в вагон вместо дров. Поезд двигался по степям, и во время коротких остановок два командира-мужчины пытались навести хоть какой-то порядок, боясь растерять своих бойцов, рассыпавшихся по степи в поисках редких кустов. «Вот уж точно и смех и грех, - вспоминает Раиса Петровна. - Кушали то, что было взято с собой из дому. Кипятили чай».

Во второй половине мая спецэшелон с девушками прибыл в Сталинград. Враз высыпавшие из вагонов девчата заполнили шумом голосов, смехом привокзальную площадь. Взволнованных и возбужденных девушек не так-то просто было утомить. Постепенно волнение улеглось, и слышались только строгие голоса командиров. Строем пошли по Сталинграду.

Карантин. Слово это на данном этапе не имело никакого отношения к медицине. Кто служил в армии, знает, что это такое. Узнали и девушки. Это с раннего утра и до позднего вечера, до отбоя — непрерывные занятия. Тяжестью наливались ноги, руки, немело тело. Выдали обмундирование. Но какое! Гимнастерки, брюки - все это не по размеру, не по росту. Белье мужское, кальсоны. Пилотки на ушах. А самым «веселым» предметом были английские ботинки сороковых размеров. Толстенная подошва, жесткий материал. Они не гнулись и сразу натирали ноги. К английским ботинкам

прилагались обмотки. Как девушки потом радовались, когда им выдали наше легкое обмундирование! А после английских ботинок ноги в кирзовых сапогах просто отдыхали. Девушки влились в войска ПВО. Раю определили в зенитную часть.

Пришлось и покашеварить. Кухня, сбита из досок и засыпанная опилками, стояла во дворе. Особых изысков готовить не приходилось: каша гречневая и чай. Кормили по распорядку вначале: завтрак, обед. Самолеты немецкие пока только листовками засыпали. На тонкой папиросной бумаге было напечатано: «Сталинградские матрешки, не бойтесь ночной бомбежки, ночь мы водку пьем, а днем вас бомбить придем».

А вот когда начались постоянные артолеты, то уже стало не до шуток, и поесть не успевали. Август, в городе жара, асфальт плавится от высокой температуры: «Кухонька наша деревянная разлетелась по досочкам. Деревянные столбы вспыхивали как спички. Страшно было поначалу. Но человек ко всему привыкает, да и жить-то все равно надо было, и работать, и кормить солдат. Попривыкли и к этому, страха уже такого не стало. Привыкнуть пришлось и к стонам раненых, которые доносились до нас с передовой, а помочь мы им ничем не могли. При бомбежках на переправах через Волгу, где с немецких самолетов сбрасывали бомбы на медленно движущиеся баржи, люди тонули в горячей от нефти воде, и тоже на помощь придти было некому. А иногда немецкий летчик увидит бегущего человека и перейдет на бреющий полет, чтобы из пулемета его застрелить. И такое пришлось повидать. Там в Сталинграде я получила осколочное ранение. Да и быт на войне тоже трудный. И голодно было, и холодно. Землянки нарыли за Волгой: вечером ложимся - вроде сухо, а утром в воде просыпаешься. В пайке нам поначалу, как и мужчинам, выдавали водку и курево, а мы ее солдатам отдавали. Потом заменили нам на шоколад, то-то была радость. Ну и другие проблемы были: каково девчатам среди мужиков без всяких средств гигиены! Уже потом нам стали справки из санчасти выдавать на пару дней по нашим женским проблемам. Но все понимали, что это трудности, связанные с войной, и надо их переносить стойко».

Были ли какие-то особенные случаи? – пытаю Раису Петровну.

- Так на войне как в жизни, всякое бывает: и трагичное, и комичное. Как-то понадобилось посылного с пакетом отправить. Моя очередь на этот раз была. Ехала я сначала на трамвае, а потом пешком нужно было через кладбище идти. Иду с винтовкой через плечо. И вдруг шум какой-то, может, кто тоже шел, а, может, прятался, людей всяких хватало в беспокойное время. Но только испугалась я до изумления, а про службу забыть не могу. Пакет в рот затолкала, чтоб никому не достался, и бежать. Винтовка на плече болтается, а я про нее и не вспомнила, хорошо хоть не потеряла. Пришла на батарею, девчонки пакет изо рта вытащили, он с сургучом, жесткий. А на вопрос: доставили ли пакет, отвечали: «И доставили и достали». Мне начальство еще и благодарность вынесло, и перевели на работу в штаб, в бюро пропусков. Тут началось наше наступление, мы освобождали города, где видели, как обращались с местным населением оккупанты, видели клейменных женщин, которых заставляли работать на немцев.

Демобилизована я была уже из Киева. Сначала мы с мужем стали жить в Ленинграде, но было там очень трудно, и мы засобирались в Белорецк, на мою родину. Я говорила: пусть я там одну картошку есть буду, пускай у нас там ничего нету, но поедем домой. Очень трудно было получить пропуск на выезд, но муж добился. Приехали в Белорецк, муж стал работать директором кинотеатра «Металлист», он по специальности был киномехаником. После войны город жил тоже очень бедно, не было ни продуктов, ни одежды. Выручало хозяйство, подворье, всей семьей после работы выходили на покос, лес рубить, дрова заготавливать. Ребятишек обшивали сами.

Я же пока занималась детьми, которых было трое. Когда ребятишки подросли, вышла на работу. Работала санитаркой, потом устроилась на комбинат кочегаром. Отапливали мы заводоуправление, всю ночь кидали уголь и опилки в топку, чтобы утром помещения были теплыми. И так пока кочегарку не перевели на автоматический режим. А я стала работать в ТЭЦ комбината, где и проработала до пенсии.

Мирная жизнь тоже не жаловала, была полна своими трудностями. Пришлось встретиться и с настоящим горем: рано ушли из жизни дети, бабушка взяла на себя заботу о троих внуках, подняла их на ноги. Сейчас у неё четыре правнучки, два правнука, и даже трое праправнуков.

- Двое пошли по стопам бабушки, - улыбаясь, рассказывает Раиса Петровна, - стали военными, Виталий, уже закончил Московскую военную академию, Евгений, еще учится на третьем курсе.

Несмотря на все жизненные испытания, Раиса Петровна на жизнь жаловаться не привыкла. Может этот оптимизм и помог ей встретить девяностолетний юбилей.

Когда мы встречались с ней, за окном ее чистой и уютной квартиры стоял трескучий мороз. Но как только разговор зашел о ее нынешнем житье-бытье, она забеспокоилась о земле, которую надо занести с балкона и прогреть. Пора заниматься рассадой, скоро начнутся огородные дела. Сажать, ухаживать, растить новые побеги – таков извечный порядок человеческой жизни, и она продолжает свое движение по этому пути, и обязательно снова увидит свой сад в цвету.

Источник:

Кучерова, Р. П. Пройдя через войну, увидеть снова сад в цвету : [беседа с участницей Сталинградской битвы Р. П. Кучеровой / записала Т. Нарушевич] / Р. П. Кучерова. – Текст : непосредственный // Белорецкий рабочий. – 2012. – 20 февраля.